

Владимир Михайлович Шулятиков

Рассказы И. Данилина

Владимир Михайлович Шулятиков

Рассказы И. Данилина

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=662565

Аннотация

«Новейшая русская литература в высшей степени бедна художественными описаниями жизни и быта современного рабочего и мастерового. Те немногие произведения, которые посвящены подобного рода описаниям, представляют из себя (лишь за весьма редкими исключениями) чересчур бегло набросанные эскизы и не свидетельствуют об особенно глубоком знакомстве их авторов с описываемой ими средой. Поэтому нельзя не отметить, как крупное литературное событие, появление книги г. И. Данилина...»

Владимир Шулятиков

Рассказы И. Данилина

Новейшая русская литература в высшей степени бедна художественными описаниями жизни и быта современного рабочего и мастерового. Те немногие произведения, которые посвящены подобного рода описаниям, представляют из себя (лишь за весьма редкими исключениями) чересчур бегло набросанные эскизы и не свидетельствуют об особенно глубоком знакомстве их авторов с описываемой ими средой. Поэтому нельзя не отметить, как крупное литературное событие, появление книги Г.И. Данилина «Очерки и рассказы».

Г. Данилин очень тщательно изучил рабочий быт, очень пристально всмотрелся в духовный и нравственный облик рабочего и, в результате, дал, правда, ряд очерков, ряд рассказов, в которых описательный элемент преобладает над повествовательным, но его очерки нисколько не походят на обычные эскизы. Его очерки набрасывают верную, многостороннюю, продуманную картину жизни, развивающейся в одном из интереснейших уголков русской действительности.

Этот уголок – мастерская столичных промышленных заведений. Из числа этих мастерских Г.И. Данилин предметом своих художественных описаний выбирает, главным образом, те, в которых парят еще «старые» порядки, на кото-

рых еще лежит печать пресловутой «патриархальности».

Таково, например, литографское заведение Мохова («В мастерской»). Мохов – типичный пример русского купца, закореневшего в старинных взглядах на способы ведения промышленного предприятия и на отношения между предпринимателем и рабочими.

Он был, как говорится, «нескладно скроен, да крепко сшит». Широкий в плечах, неповоротливый, напоминавший движениями героев русских лесов, медведя, он к тому же обладал и медвежьей силой, которую и проявлял, уча рабочих «уму разуму». Даже лицо его внушало трепет не знавшим его. Крупный, картошкой нос, рот с редкими желтыми зубами, в которых он держал неизменно сигару русского приготовления и постоянно нависшие седые брови над серыми серьезными глазами.

Одет он был всегда в длинный старый сюртук, «правый рукав которого он постоянно держал в кулаке, чтобы не зашибить руку в частых и случайных стычках».

Как истый русский человек, он любил подраться и любил крепкие русские слова. Пьяненьким рабочим-вертельщикам, столярам, картонщикам – от него частенько «влетало».

Расправившись таким образом с кем-нибудь из своих подчиненных, он, довольный и радостный, шел к рисовальщикам.

Хорошего леща сейчас отпустил Степке, – довольно по-

хвлялся «сам» Коптев, Хочешь сигаркой угощу? – предлагал он.

Без «леща» он сигаркой никогда не угощал, но после «леща» у него всегда являлось хорошее расположение духа. Рабочие знали это и по-своему пользовались «случаем». Они сейчас же, кому нужно, шли просить «вперед» деньги и никогда не встречали отказа.

Система штрафов за прогул «истый русский человек» не признавал. Не признавал он вообще никаких технических и административных нововведений в деле. Возмущался теми хозяевами, у которых «по свистку люди приходят, по свистку уходят обедать, и опять приходят и кончают, все по свистку»; у которых каждый рабочий имеет свой номер, за каким он и значится. Приходит на работу – вешает номер, уходит обедать – снимает, приходит – опять вешает». Рабочего он считает человеком, К одному из хозяев «нового» типа он обращается со следующим нравоучением:

«Человек – все человек, а не номер! Он хоть и простой мужик, к примеру, у меня вертельщик, у тебя ткач, а он из того же теста и из тех же мужиков, что и мы с тобой».

И если Мохов и другие подобные ему «хозяева» (напр., «сам», фигурирующий в бытовых очерках «Из записок чернорабочего»), с их чисто домостроевским мировоззрением на фоне текущей экономической жизни являются людьми устаревшими, людьми эпохи, уже отходящей в области исторических преданий, если на порядки, подобные тем, которые

царят в мастерских Мохова, следует смотреть, как на вопиющий исторический анахронизм, то рабочих, состоящих под началом Мохова и Ко, нельзя никоим образом упрекнуть в отсталости и приверженности «старине».

Напротив, они – представители прогрессирующей городской цивилизации: условия борьбы за существование, в которые они поставлены, и характер окружающей их обстановки сделали их способными к высокому духовному развитию. Столичная атмосфера и товарищеская среда содействовали подъему уровня их жизненных потребностей, борьба за существование определила рост их умственных сил.

Они чувствуют себя людьми высшей культуры по сравнению с обитателями деревни. Они смеются над серостью деревенской. Они презрительно относятся к мыслительным способностям мужика: мужика, «глупую деревню», по их мнению, может как угодно провести всякий из них. Кроме того, они ненавидят мужика за его жадность к деньгам.

Остроумный рабочий Зуда (герой рассказа того же имени) увидел однажды во дворе фабрики деревенского мужика, стоящего и недоумевающим взглядом окидывающего окна фабричного корпуса. Зуда держался того убеждения, что крестьяне только и способны, что «жаловаться да канючить о деньгах». Предполагая, что и этот мужик непременно явился на фабрику к кому-нибудь из родственников для получки денег, он решил тот час же устроить ему «пакость», посмеяться над «пауком». «Паук своего рода, человек работает, а

он из него деньги тянет».

Крестьянин обратился к нему с просьбой указать, где живет его сын Федот. В голове Зуды моментально созрел «план». Зуда объяснил «пауку», что сын его здесь, только видеть его сейчас нельзя, потому что он «невесту смотрит».

– Как невесту? – изумился мужик и часто-часто замигал глазами. Как же это невесту, не посоветовавшись с родными?

– Кто же теперь советуется с родными, не старое время! – вздохнул Зуда, желая вызвать мужика на откровенность.

– Поштенный, – жалобно обратился мужик к Зуде, – яви божецкую милость, отведи ты меня на смотрины-то на эти. Я бы ему дал, как невесты без ведома родителей смотреть.

– Ну, что же, пожалуй, – согласился Зуда. – Пойдем.

Они пошли. Федот, прифранченный, в лакированных сапогах, в шерстяной голубой рубахе и цветном жилете, «при цепочке», сидел на тумбе, окруженный толпой чулочниц – обитательниц соседнего дома, перед которыми он любил щегольнуть. Зуда объявил, что все это – невесты. Мужик поверил, вышел из себя, осыпал Федота упреками за непростительное дорогостоящее франтовство, а главное за намерение жениться не в деревне, не на «хозяйственной девке», без родительской воли. «Нет тебе нашего благословения на свадьбу и жену твою я в дом не пушу, – хрипло шептал он – и паспорта не дам, и тебя потребую по этапу».

Одним словом, он совершенно «одурачен» Зудой. Дело принимает нешуточный оборот; тем более, что крестьянин

требует во что бы то ни стало от сына целых двадцать рублей, которых у последнего нет. На выручку Федоту является Зуда, который добывает деньги и вступает в переговоры с «пауком».

Зуда, действительно, умел поговорить. Не прошло и четверти часа, как он вконец обработал мужика, узнав всю подноготную не только его семьи, но и всей деревни. Он узнал, что отец намерен переставить сарай, на что и понадобились ему деньги, и что у них есть и корова, и телка, и лошадь, и пятнадцать овец, и что Федот отдает в деревню рублей сорок в год, и что за ними нет никаких податей.

Узнавши все это, Зуда раскрывает свой обман и после долгой беседы успевает убедить мужика, что с «Федота» взять следует пятнадцать рублей да еще поблагодарить, коли даст».

Даже среда подростков и мальчиков, живущих при мастерских, развито критическое отношение к «глупой деревне». Образцом этого критического отношения может служить следующий диалог.

Разговаривают два ученика в заведении Мохова.

– Много ты смыслишь, деревня! – говорит Колька Ваське. Разве, например, тебя можно послать за водкой, да чтобы ты хозяину не попался? Ни в жизнь!

Колька гордится своим городским происхождением, что и давал чувствовать своему простоватому товарищу, который был из деревни.

– Да ведь ты сегодня не попался потому, что «сам» в городе! – защищался Васька.

– Ну, так что ж, что в городе? – горячился Колька, – а знаешь ли ты, что он хоть и в городе, а все видит, что здесь делается – отчаянно врал он Ваське.

– А почему он знает? – простодушно недоумевал тот.

– Он все знает! – авторитетно заявлял Колька и, желая в конце уничтожить «глупую деревню» прибавил:

– Я еще ни разу не попался, а ты вляпался!

Деревенской «серости», умственной неподвижности и недалёковидности противопоставляется идеал трезвого, деятельного ума и сознательного, критического отношения ко всему окружающему.

Пробуждение сознательной жизни среди обитателей мастерских, процесс их умственного развития останавливают на себе особое внимание г. К. Данилина. Он отмечает самые различные моменты этого пробуждения, самые различные формы, в которые оно облекается.

Макар-философ (в рассказе «Зуда») олицетворяет собой момент инстинктивного влечения к умственной работе. Его ум направлен на разрешение «общих» вопросов, в роде следующих: сколько в пламени весу и откуда ветер начался и где кончится. Умственная работа совершается в нем скрытно: обыкновенно он угрюм, сосредоточен и молчалив. Только во хмелю он любит распространяться об интересующих его темах.

Очень часто в рассказах г. И. Данилина встречаются липа, свидетельствующие о другом более ярком моменте умственного развития: рабочие вроде Зуды («Зуда»), Дениса («Шутка»), Косой («Выборы») уже видят в уме свою силу. Их острый, деятельный ум ищет себе практического приложения, но не находит области, в которой он мог бы с пользой заняться творческой, производительной работой. Поэтому Зуда, Денис, Косой ограничиваются бесцельным упражнением своих умственных способностей: они делают своей специальностью «неистовый» критицизм, – «с неистовством осмеивают и вышучивают всех, кто попадается им на зубок».

Процесс умственного развития идет дальше. За моментами инстинктивного порыва к умственной работе и сознания значения умственной силы следует момент, в который рабочим овладевает жажда знания. Рабочие признают необходимость обратиться к науке и литературе: они хотят воспользоваться в борьбе за существование итогами коллективного опыта человечества, который увековечен на скрижалях науки и литературы.

Г. Данилин неоднократно описывает впечатление, производимое литературой на рабочих, неоднократно отмечает их стремление к литературным занятиям и даже попытки их заняться литературным творчеством.

Таким образом, под влиянием обстановки и своеобразных условий борьбы за существование в рабочих, занятых в мастерских Мохова и К[®], «проснулся «человек», человек с

развитыми потребностями, одаренный силой ума, человек «новый», могущий смело глядеть в даль будущего.

И перед этим «новым» человеком в рассказах г. Данилина ступался другой «новый» человек, сделавшийся в последнее время предметом поклонения значительной части русской интеллигенции. Г. Данилин сравнивает рабочего с «босьяком».

Его босьяк – Орлов, «в далеком прошлом певец, теперь рыцарь золотой роты», («В мастерской»), получивший образование, учившийся сначала наукам, затем искусству» и принужденный спуститься благодаря своей страсти к алкоголю, в вертепы «нищеты и заниматься верчением колеса с утра до поздней ночи за шесть рублей в месяц», исповедуя философию отчаяния: «Э, да все пустяки, не правда ли? У всего один конец: черви козыри!..» «Как ни жить, три аршина земли одинаково скрывают великого и малого, счастливого и обездоленного». Орлов старается держаться морали «по ту сторону добра и зла», но до поры, до времени.

Встреча с обитателями мастерской Мохова, рисовальщиком Коптевым и его товарищами, заставляет его отказаться от подобной философии и «переродиться» духовно. Рисовальщики решают спасти Орлова и устроить его в своей мастерской (Орлов некогда учился рисованию). Когда они сообщили ему о своем плане, золоторотец, «охваченный улыбнувшимся счастьем, бурно заговорил»:

– Черт возьми, это лучше, чем во сне! Последнее время

мне как на смех все снится, что сижу я у Тестова и ем любимую солянку из осетрины. Вкусно, черт побери! А просыпаешься... мерзость! Appetit разыграется, а удовлетворить нечем... А тут я хоть на человека буду похож, не буду хоть так уставать, ведь кости трещат от упражнений с колесом и тому подобных прозаических занятий...

План рисовальщиков был приведен в осуществление. Орлов переселился в мастерскую и с «лихорадочной восторженностью» принялся за работу и оказался очень старательным и исправным тружеником. От привычек прежней жизни он отрекся.

Поступок Коптева и товарищей указывает на то, что не одно умственное развитие дает обитателям мастерских право называться «новым человеком». Одновременно с подъемом их умственного уровня, происходит развитие их нравственного чувства. И их нравственное чувство не довольствуется чисто филантропическими проявлениями (как в вышеприведенном случае с Орловым). Оно разрастается до чувства моральной солидарности. Оно внушает им мысль о взаимопомощи в трудную минуту жизни. Оно ведет их на моральные подвиги и самопожертвования. «Артельное» начало одухотворяет мастерские Мохова и К®. Как пример проявления моральной солидарности можно отметить ту сцену из рассказа «В мастерской», где рисовальщики самоотверженно помогают своему товарищу, у которого, вследствие пожара в деревне, семья очутилась без крова. Пример проявле-

ния «артельного начала» – заключительные сцены очерков «Из записок чернорабочего» – сцена последнего обеда, недоброжелательства рабочих тухлой пищей и ухода их с фабрики.

Таков духовный и нравственный облик рабочих, населяющих мастерские Мохова и К®. Но мастерские Мохова отживают свой век. Моховы и подобные им хозяева со страхом наблюдают, как молодое поколение фабрикантов «идет вперед, как на фабриках заводятся новые порядки, как меняется техника производства, как «патриархальные» отношения между предпринимателем и производителем уступают место новым отношениям, одним словом, как растет новая фабрика. Их собственные дети идут наперекор родительской воле, их собственные дети обвиняют их в отсталости, в непростительном упрямстве, причиняющем одни убытки фабрике, устраняют их от дел. И устраненным от дел «старикам» ничего не остается, как бессильно протестовать против новых порядков и против все усиливающегося шума машин на их бывших фабриках. И с чувством бессильной злобы они умирают, а грохот машин все усиливается. «Дух времени понят их детьми безошибочно».¹

Но если в глубине «патриархальных» мастерских родился «человек», развитой духовно и нравственно, то, без сомнения, этот «человек», перенесенный в новую фабрику, поставленный в более культурную обстановку и в более слож-

¹ См. рассказ «Мечтатель», где прекрасно очерчен тип старика, оставшегося не у дел.

ные условия борьбы за существование, пойдет еще неизмеримо далее по пути духовного совершенства.

Об этом совершенстве, известно, не откажется рассказать в своих последующих произведениях талантливый бытописатель рабочей среды.

«Курьер», 1901 г., № 112